

ХИРИЯСУЛ АЛИБЕК – ГЕРОЙ АХУЛЬГО

Крупного ученого первой половины XIX в., кадия из Хунзаха Хириясула Алибека историки справедливо считают одним из первых прославленных соратников Шамиля, безгранично мужественным и храбрым его наибом, который на начальном этапе, в самые трудные минуты освободительной борьбы и создания государства имапат был рядом с Шамилем и погиб как настоящий герой.

Хириясул Алибек из Хунзаха был известен в Дагестане как прославленный ученый и авторитетный предводитель горцев еще до избрания Шамиля имамом. Он считался при жизни хунзахских ханов, в период первого имама Газимагомеда, предводителем аварцев, пользовался огромным авторитетом среди народа, неприязненно относился к колониальной политике царизма. Одно время он был кадием в с. Аргвани, был ведущим преподавателем местного медресе.

В 1834 г. на съезде представителей различных обществ Дагестана, собравшихся для избрания имама, в числе первых и авторитетных делегатов был Алибек из Хунзаха (*Даниялов Г.-А.Д.*, 1996. С. 26).

Алибек по происхождению был потомком аварских беков. После того как Гамзатбек истребил в 1834 г. хунзахских ханов, аварцы хотели избрать его своим ханом-предводителем, но это не устраивало царское командование, так как Алибек был сторонником Шамиля. Шамиль учитывал интересы Алибека и стоящих за ним авторитетных и состоятельных представителей Хунзахского ханства, которых имам старался привлечь на свою сторону, ввести в состав руководства создаваемого государства имапат.

Это обстоятельство не устраивало царское командование. В 1836 г. «прибывший ко мне Джемал Чиркеевский, – писал генерал Клюки фон Клюгенау, – подтвердил сведения как о предложении Шамиля отправить Алибека джемальяльцам и богозцам, **так и равно о намерении аварцев избрать правителем своим Али-бека** (подчеркнуто нами. – Авт.).

Последнее обстоятельство тем более заслуживает вероятия, что аварцы, как я и прежде имел честь доводить до сведения вашего высокопревосходительства, еще при жизни генерал-майора Аслан-хана Казикумухского, видев сколько мало он обращал внимания на управление ими, были разделены в этом отношении на партии и теперь, может быть, не надеясь на ничего лучшего для себя от Нуцал-Хана, они в самом деле решатся избрать себе правителем Али-бека, коего дед Чопан находился в родственной связи с Ума-ханом Аварским. Для взаимного обеспечения в сохранении согласия Шамиль обещал аварцам, по получении от них аманатов, выдать им в заложники своего племянника» (*Кавказский сборник*. Т. 32. С. 284).

Алибек принимал самое активное участие в военных сражениях и походах под руководством имама Шамиля в Нагорном Дагестане. С первых дней избрания имамом Шамиля он стал одним из самых близких и отважных его наибов. В 1834–1839 гг. Алибек проявил величайшие способности предводителя, ученого, военного администратора, законодателя и оратора в деле объединения разрозненных дагестанских и чеченских обществ под руководством Шамиля. Он был одним из тех, кто заложил фундамент будущего государства имапат, создавал его воору-

женные силы, систему административно-территориального управления, начал реформировать и судебную систему на основе шариата с учетом сложившихся столетиями законов сельских общин и джамаатов.

В 1836–1838 гг. его можно было видеть в самых разных уголках Дагестана и Чечни в качестве организатора правовых основ нового государства, первого наиба Шамиля, авторитетного предводителя различных обществ Дагестана и Чечни. Зимой 1837 г. вместе с известными чеченскими предводителями Ташав-Хаджи, Удимуллой, Умаханом, Домбаем, Оздемиром и Андийским Газиявом Алибек объезжал территорию Чечни «с целью для восстановления между чеченцами шариата» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. С. 155).

Это было согласованное с Шамилем выступление, чтобы обеспечить единство действий отважных чеченских предводителей, между которыми были разногласия, а также отвлечь внимание царских войск от Нагорного Дагестана. Шамиль тогда нанес сильное поражение царским войскам, вторгшимся в Нагорный Дагестан. Потери царских войск были огромны. Царский генерал писал: «Прискорбно понесенная нами при движении потеря достойного и храброго командира Апшеронского пехотного полка генерал-майора Ивелича, столь много обещавшего для пользы службы в здешнем крае, по приобретении им против горцев опытности храброго и опытного штаб-офицера подполк. Авраменко» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. С. 161).

Тогда под предводительством Алибека в Чечне было более 4000 восставших горцев (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. С. 156). Уже в марте генерал-адъютант Розен докладывал генерал-адъютанту Чернышеву о поражении, понесенном восставшими горцами в Аварии. Тогда по плану царского командования войска под командованием генерал-майора Фези «предпринимали движение против ичкерийцев, изъявивших постоянную преданность Шамилю» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. С. 156), а генерал-майору Клюки фон Клюгенау было поручено «дабы для отвлечения Шамиля от подаяния помощи приверженцам сделать диверсию со стороны Дагестана» (Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. С. 156–157).

В этот период, как видно из документов, Алибек выступал не только в качестве наиба, но также в роли заместителя имама, который координировал совместные военные действия всех чеченских предводителей и дагестанских наибов Шамиля в Северном Дагестане. В том же 1837 г. Алибек руководит объединенными отрядами горцев, выступавших против царских войск под командованием генерала Фези, вторгшихся в Нагорный Дагестан для уничтожения власти Шамиля, чтобы не дать ему осуществить контроль над Аварией. Основная задача экспедиции генерала Фези заключалась в том, чтобы построить укрепление в Хунзахе, укрепиться там навсегда, разгромить столицу Шамиля Ашильта-Ахульго и укрепленный аул Телетль, где находился известный предводитель и наиб Кебед-Мухаммед.

Тогда произошли жестокие сражения за аулы Ашильта и Телетль. Аул Телетль вместе с наибом Ташев-Хаджи, Кебед-Мухаммедом защищал Шамиль, в районе Ашильта действовали горцы под предводительством Алибека. Царские войска сожгли аул Ашильта, артиллерией разрушили крепостные сооружения на Ахульго, но потом под натиском горцев, руководимых Алибеком, вынуждены

были спешно отступить в сторону Унцукуля. По этому поводу Мухаммед Тахир писал: «Затем с русскими сразились: ученый Алибек – сын Хираясулава, который тогда был муллою в Аргвани, а также бывшие вместе с ним багвалальцы и другие горцы. Они убили много врагов и удержали их от того, чего эти враги желали. После этого русские вернулись назад» (*Мухаммед Тахир аль-Карахи*. 1990. Ч. I. С. 62).

В то же время следует сказать, что 26–17 августа Фези атаковал два аварских аула, отошедших в 1836 г. от Хунзахского ханства к имамату: Орота и Харахи. Аулы были переданы Шамилем в управление наибу Алибеку из Хунзаха.

В своем рапорте Фези писал: «Алибековы деревни... обе укрепленные, заняты: 26 душ взято в плен и 29 штук рогатого скота забрано и все имущество захвачено» (Кавказский сборник. Т. 32. Ч. I. С. 358).

Анализ архивных документов подтверждает, что Хираясул Алибек из Хунзаха с первых дней избрания Шамиля имамом считался вторым лицом в государстве имамат, что конкретно усматривается в местных архивных документах на арабском и аварском языках, и также это видно из конкретных действий Алибека по формированию новых органов власти в селах, сельских общинах Дагестана и Чечни на местах, из его роли по руководству наибами, предводителями вооруженных отрядов дагестанцев и чеченцев в деле отражения наступления колониальных войск.

Алибек пользовался большим авторитетом среди народов Дагестана и Чечни, имел свое влияние и на хунзахский ханский двор, и на других феодальных владетелей.

В сентябре 1837 г. генерал Фези сообщал своему начальнику барону Розену, «...что во всем Нагорном Дагестане – две партии, из коих одна желает вступить с нами в сношение и найти через то защиту от ига мюридов, другая партия более сильная, одерживает над первой верх и по научению Шамиля, Алибека и мюридов противодействует намерениям людей, готовых покориться нашему правительству» (Кавказский сборник. Т. 32. Ч. I. С. 363).

В документе Алибек назван после Шамиля, роль его в то время в имамате была велика, фактически по действиям и выполняемым функциям в Дагестане и Чечне в 1836–1838 гг. он был заместителем Шамиля и считался вторым лицом в государстве. Одно время (1837 г.) он предводительствовал над большим отрядом, состоящим из аварцев, боголальцев, чеберлоевцев, ичкеринцев и других, когда Шамиль отправлял его в Чечню для обеспечения согласованного выступления чеченских предводителей. Шамиль также закрепил за ним 5 аварских аулов, принадлежавших некогда Аварии, и поручил управление ими Алибеку «как предназначенному преемнику своему» (Кавказский сборник. Т. 32. Ч. I. С. 358).

В 1838 г. после заключения перемирия с генералом Фези горцы прекрасно понимали, что царские войска вновь двинутся в горы с еще большими силами, поэтому продолжали сплачивать дагестанские общества под предводительством сторонников освободительной борьбы. Алибек помогал Шамилю во всем, также в подготовке к предстоящим боям в Ахульго, в приведении к покорности обществ, сел, джамаатов, выступающих против шариатских реформ.

Мухаммед Тахир свидетельствовал: «Шамиль услышал затем (в начале 1838г. – Авт.), что мулла игалинцев (с. Игали ныне в Гумбетовском районе. – Авт.) и преступные вельможи стремятся к разложению шариата. Хотя у Шамиля и болели глаза, он выступил ночью, вместе с учеными Алибеком Хунзахским и Амирхамзой Гацалухским и примерно с сорока товарищами. Один из этих двух ученых примерно с пятнадцатью товарищами вступил в Игали через верхнюю часть этого

селения, другой ученый таким же образом вступил через нижнюю часть его. Сам Шамиль через середину этого селения подошел к мечети. Тот мулла и его сторонники попытались было из домов сражаться с мюридами, но недолго. Его взяли в плен вместе с прочими мунапиками, и все они были затем убиты» (*Мухаммед Тахир аль-Карахи*, 1990. Ч. I. С. 65).

В конце мая 1839 г. Алибек вместе с Шамилем и другими предводителями обеспечивал оборону аула Аргвани, где проявил чудеса храбрости и отваги, а потом при сражении в Ахульго ему было поручено организовать оборону на самом ответственном участке, т.е. руководить обороной Шулатлул-гох – Сурхаевой башни. Об этом подвиге Алибека стоит рассказать более подробно.

Как писал Хайдарбек Геничутлинский: «Битва при Ахульго – это великая битва, подобно которой не было в веках! Многие благочестивые и добрые мужи приобрели там вечное блаженство» (*Хайдарбек Геничутлинский*, 1992. С. 83).

Сегодня мы мало знаем о том, что происходило внутри крепости, но отрывочные сведения говорят о невероятном мужестве и героизме защитников. Жесточкая схватка продолжалась почти три месяца. 30 орудий нещадно обстреливали сверху этот маленький клочок земли, который ребенок может пешком обойти за 10 минут. На этой земле не осталось ни одного квадратного сантиметра земли, куда бы десятки раз не попадали снаряды из пушек, на ней не осталось и камешка, обильно не политого кровью. Здесь мюриды убивали до 100–200 врагов в день. Положение защитников было крайне тяжелым, не хватало воды, припасов, еды. Они не успевали хоронить погибших, нечем было завязывать раны, не было никакой связи с внешним миром.

Следует отметить, что после двойной блокады, когда все силы были расположены на важнейших пунктах, вершинах гор, скалах вокруг Ахульго, Граббе дал приказ произвести новую рекогносцировку. Она еще раз подтвердила очевидную истину, что открытым штурмом Ахульго невозможно взять. Поэтому было решено осуществить полную блокаду крепости и постепенно овладеть ею путем поэтапного приближения и выявления слабых мест. Была выбрана тактика регулярной артиллерийской бомбардировки, благо количество орудий и боеприпасов составляло огромное количество. Превосходство было абсолютное. Если у Шамиля вовсе отсутствовала артиллерия, то, по нашим подсчетам, за время осады Ахульго из 30 артиллерийских орудий было выпущено на эту крепость свыше 20 тысяч артиллерийских снарядов и гранат. На голову каждого – воинов, мирных граждан, женщин и детей, стариков, кто находился в Ахульго, было выпущено свыше 10 ядер и гранат, а на голову каждого воина Шамиля свыше 40 ядер и гранат, не считая количество пуль, так как царские войска, направлявшиеся под Ахульго, были так снаряжены, что на один выстрел винтовки из Ахульго могли ответить тысячей выстрелами. Старожилы аулов Ашильта и Чирката рассказывали нам, когда после падения Ахульго полковник царской армии Малачиханов, уроженец Ашильта, начал возводить террасные сады на новом Ахульго, каменистая почва была настолько изменена, что на ней осколков от пушечных ядер, гранат и пуль было не меньше, чем камней, и порой казалось, что эта земля состоит из камней и осколков, ядер, гранат и металла. В школьных музеях сс. Ашильта, Чирката и других аулов Дагестана бережно хранятся сотни царских «подарков», экспонатов того времени, найденных в наши дни в израненных скалах Ахульго.

Кстати, следует отметить, что перед началом экспедиции в войсках Граббе было свыше 20 тыс. артиллерийских снарядов, гранат, 1,5 млн. патронов, не счи-

тая постоянного пополнения арсенала в ходе битвы за Ахульго. В одного воина, защищавшего Ахульго, войско Граббе могло произвести 3 тысячи выстрелов из винтовок. Снабжали экспедиционный корпус свыше 1000 человек гужевым транспортом из Внезапной и Темир-Хан-Шуры, а их охрану обеспечивали более 3 тысяч человек царских войск и дагестанских милиционеров. При такой разнице сил защитники Ахульго противопоставили колонизаторам-захватчикам невиданный героизм, отвагу, храбрость, продемонстрировали свою любовь к Родине, приверженность к свободе и независимости. Подвига, равного совершенному защитниками столицы Шамиля Ахульго 181 год назад, на земле еще не было.

За 80 дней блокады Ахульго не было дня, чтобы по нему не стреляли из пушек, а в отдельные дни это длилось с утра до вечера без перерыва. С начала осады Граббе выбрал тактику выжженной земли в сочетании с принципом «удавки», заключающемся в постоянной бомбардировке всего и вся, постепенном приближении к укреплениям крепости посредством стремительных натисков и закрепления на новых позициях с помощью вновь устраиваемых артиллерийских батарей и прочих инженерных заграждений (*Шигабудинов Д.М.*, 1992. С. 43).

Вот как описывает Мухаммед-Тахир аль-Карахи положение защитников Ахульго: «У русских было двадцать четыре пушки. Когда они стреляли из этих пушек по горе Ахульго, она покачивалась, и причем так сильно, что ударяла в спину тем, кто прислонится к ней. А русские все стреляли по Ахульго и путем размельчения земли, круша огромные скалы, разрушали стены в проходах и портили имевшиеся там убежища. Те, кто засели в Ахульго, не имели возможности спать ночью и не находили покоя днем – каждую ночь мюриды копали убежища и возводили стены в проходах, чтобы днем спокойно сидеть там, а русские каждый день разрушали это пушечными ядрами. Так мюриды провели около трех месяцев» (*Мухаммед-Тахир Аль-Карахи*. 1990. С. 70.)

Во второй половине августа приближалась роковая развязка. Положение осажденных, как пишет Мухаммед-Тахир Аль-Карахи, в последнее время было отчаянным. Русские три дня подряд бомбардировали Ахульго. Башни были разрушены, завал был снесен, жилища превращены в пепел. Громадное большинство защитников было истреблено, а меньшинство – изнурено и доведено до последней степени изнеможения жаждой, голодом, отсутствием сна и отдыха. Мюриды жизни свои больше не берегли, они мечтали о смерти как о высшем благе.

22 августа генерал Граббе предпринял решающий штурм Ахульго, и несмотря на огромные потери, царским войскам удалось овладеть крепостью. Самыми трагическими были дни, когда царские войска жестоко и беспощадно очищали крепость, разрушали укрепления. Оставшиеся в них горцы – раненые, полуживые – не сдавались. Женщины и дети с кинжалами, камнями, голыми руками защищались, прыгали на штыки, бросались с высокого обрыва в Андийское Койсу. Матери собственными руками убивали детей, чтобы они не достались врагу. 9–10-летние подростки с разбега прыгали на поднимавшихся вверх по обрыву солдат, падали в глубокое ущелье, уводя с собой врагов.

Люди совершали невероятные и непостижимые человеческому разуму подвиги во имя свободы, за веру. Говоря о последнем жарком августовском дне на Ахульго, Хайдарбек Геничутлинский отмечает: «То был воистину день, подобный малому светопреставлению. Люди были словно пьяные. Матери, кормящие грудью, забывали о своих грудных детях. Высокое и низкое сравнялось. Одна, к примеру, женщина из числа мухажиров спросила своего мужа: «Что же мы будем де-

лать с нашим ребенком?» Муж ответил: «Это не тот день, когда заботятся о своих чадах. На каждом из нас лежит сейчас прежде всего обязанность участвовать в священной войне. Поэтому бери кинжал и сражайся. Мальчика же нашего оставь на этом камне». Женщина тогда взяла кинжал, а затем, расстелив свой платок и положив на него свое чадо, вступила в бой. Она сражалась рядом со своим супругом до тех пор, пока оба не стали мучениками за веру. Да будет Аллах доволен ими обоими. К числу женщин, которые пали тогда мученицами за веру, принадлежит и жена повелителя правоверного Шамиля – Джавхарат, имевшая двухлетнего грудного ребенка. Этот ребенок, когда затем его нашли, сосал грудь своей мертвой матери. Вскоре и он умер» (*Хайдарбек Геничутлинский*, 1992. С. 82).

После плотной осады Ахульго и окружения его двойным кольцом генерал П.Х. Граббе понимал, что успешный штурм Ахульго невозможен без взятия Сурхаевой башни. В своем рапорте он подчеркивал: «25, 26 и 27 июня блокирующие войска продолжают осадные работы. Осмотрев в подробности сложную и необыкновенную затруднительную местность вокруг Ахульго, я убедился в необходимости приступить сначала к занятию отдельной башни, лежащей на высоком и крутом утесе с южной стороны замка. В горах она известна под именем Сурхаевской башни и получила название от строителя Сурхая, одного из главных приверженцев Шамиля, который славится между горцами своей храбростью. Эта башня по своему положению растягивала нашу бригадную линию более чем на 4 версты и заставляла употреблять в боевой линии вместо четырех шесть батальонов пехоты. К тому же она лежит со стороны наименее недоступного подхода к замку и в ней собрались более 100 отважнейших мюридов, известных своим удалством и фантастической приверженностью к Шамилю. Наконец, башня эта совершенно командует всеми удобными местами к заложению батареи для обстреливания и разрушения главных укреплений и завалов в Новом Ахульго. Поэтому все наши движения были известны неприятелю, он мог всегда принимать свои меры против наших осадных работ и других мероприятий. По этим соображениям я решил штурмовать Сурхаеву башню. С этой целью в эти три дня занимались устройством батареи для 4-х легких орудий на высоте и каменистой горе, лежащей к югу от башни, и проложением туда удобной дороги» (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.* 1959. С. 209).

Сурхаева башня занимала очень выгодную позицию и играла важную роль в системе защитных сооружений Ахульго. Она закрывала единственный доступ к Новому Ахульго, служила своего рода наблюдательным пунктом для воинов Шамиля, через нее проходила дорога, связывающая Новое Ахульго с внешним миром.

Для царских войск было совершенно очевидным, что без взятия Шулатлугох не могут быть успешными не только штурм, но и осада Ахульго. Это прекрасно понимали обе воюющие стороны. Поэтому Шамиль направил туда 100 отважных бойцов во главе с наибом Алибеком Хунзахским (больше там и разместить было невозможно), а генерал Граббе первым делом решил захватить эту высоту, несмотря на большие потери среди личного состава. По этому поводу Милютин отмечал: «Вообще Сурхаева башня чрезвычайно затрудняла все действия и самое расположение блокирующих войск. Это был такой передовой пост неприятельской позиции, которым, во всяком случае, необходимо было сначала овладеть, прежде чем предпринять что-либо решительное против главных укреплений. Но вести против Сурхаевой башни осадные работы не было никакой возможности, начальник отряда решался овладеть ею штурмом» (*Милютин Д.А.*, 1850. С.91–92).

Предварительно Граббе решил отрезать Шулатлул-гох от Нового Ахульго. Попытка эта, предпринятая в ночь на 20 июня одной ротой, окончилась разгромом последней. Бойцы Алибека полностью уничтожили ее в лощине, по которой проходила тропинка из Нового Ахульго в Шулатлул-гох. «Потом царские войска заняли лощину целым батальоном, что сыграло большую роль при штурме Шулатлул-гох» (*Бахауддин Хури*, 1996. С. 73).

В рапорте царского генерала Граббе отмечалось: «Сурхаева башня, или правильнее, отдельное укрепление, состоит из нескольких башен, связанных толстою каменною стеною и фланкированных завалами с бойницами в два ряда. Внутри замка были построены сакли в два этажа... из коих нижний был врыт в землю и совершенно безопасен от выстрелов из орудий. Сакли же были соединены между собою открытыми ходами, а верхняя часть одной из них возвышалась в виде башни и командовала всем укреплением» (*Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX в.* 1959. С. 209).

На рассвете, как только прозвучал призыв муэдзина к утренней молитве, на штурм башни, удерживаемой сотней горцев, было брошено около трех тысяч солдат и офицеров Апшеронского и Кабардинского полков. Восемь орудий вели непрерывный огонь по клочку земли площадью сорок квадратных метров. Горцы во главе с Алибеком не дрогнули, встретили наступающих огнем из ружей; на головы солдат обрушился сверху град камней, полетели бревна, покатались валуны. Штурм был отбит. Под стенами крепости в этот день погибло более четырехсот апшеронцев и кабардинцев.

После этого штурмующие еще сильнее сосредоточили огонь артиллерии, причем обстрел велся уже залпами, защитники вынуждены были укрыться.

Штурмующие отряды были снова укомплектованы новыми силами, оснащены защитными сооружениями, обитыми войлоком, и готовы к штурму. Горцы встретили наступающих с еще большей храбростью и умением. Царские солдаты погибали под шквалом камней, бревен, пуль, падающие из первых рядов штурмующих тянули за собой в пропасть идущих за ними сослуживцев из вторых, третьих рядов. Штурмующие в беспорядке отступали. Так продолжалось несколько раз, вплоть до самого вечера, когда штурмующие колонны поспешно и окончательно отошли к исходным позициям.

Перед предпоследним штурмом около 4 часов дня Граббе ввел в состав штурмующих новые силы. Всего за один день (29 июня) мюриды во главе с Алибеком отразили 6 яростных штурмов, которые велись более чем двухтысячной массой солдат и офицеров, поддерживаемых огнем 12 орудий. Двадцатикратное численное преимущество, а также артиллерийская стрельба в среднем по 15 снарядов на каждого защитника за день не смогли сломить сопротивление отчаянных храбрецов. Потери среди защитников башни в этот день составили 32 убитыми и 19 ранеными, сама башня была сильно разрушена. Почти все они были убиты и ранены от попадания артиллерийских снарядов.

Наиболее характерные события этого дня описаны Милютиным следующим образом: «В надежде облегчить егерям (2-й и 4-й батальоны Куринского полка) доступ к башне батареи по временам возобновляли огонь залпами; каждый выстрел срывал огромные обломки; камень и бревна катились на штурмующих; но густой столб пыли, поднимающийся над башнею, скрывал только на время исполненные фигуры отчаянных мюридов. Лишь только наши охотники снова бросались на утес, горцы в ту же минуту опять выскакивали из башни, чтобы с преж-

нею яростью и воплями забросить атакующих камнями и бревнами. Такой отчаянный бой продолжался уже несколько часов; одна рота сменяла другую, а в 4 часа пополудни посланы были на штурм батальоны Кабардинского полка; но препятствия были непреодолимы и все усилия остались тщетными. Только с наступлением ночи войска по данному им приказанию сошли с утеса, уже облитого кровью. Бой, продолжавшийся целый день, остался без успеха, и стоил нам свыше 300 человек потери» (*Милютин Д.А.*, 1850. С. 93).

Горский источник так описывал этот штурм: «Убедившись в важности для осужденных Шулатлул-гоха, русские сосредоточили на нем все свое внимание и все свои силы: башню бомбардировали из десятка орудий и привели в полное разрушение. После этого несколько тысяч его пехоты с яростью штурмовали: камни и бревна, скатываемые защитниками на головы врагов, несмотря на боевые потери, совершаемые в их рядах, не остановили неверных. Задние ряды шли через трупы передних и подходили уже к самой вершине. Только тогда враги Аллаха в панике начали отступать. Еще пять раз в этот день они штурмовали Шулатлул-гох и только к вечеру отошли совсем. Русские потеряли в этот день около 1000 человек, и пока к ним не подошли свежие силы с артиллерией из Шуры, они оставляли в покое Шулатлул-гох» (*Бахауддин Хуриш*, 1996. С. 75).

«Свежими силами с артиллерией» были 3-й батальон Апшеронского полка и 4 полевых орудия с большим количеством снарядов.

После неудачного штурма Граббе усилил обстрел Сурхаевой башни. Десять орудий с утра и до вечера били по крошечному холму, где укрылись горцы. В конце концов гора была разрушена почти полностью; над нею постоянно висели дым и пыль, а вниз скатывались обломки башни и камни. Но во время очередного штурма путь наступающим преградили Алибек и его мюриды, появившиеся из-под обломков укрепления. Штурмующие батальоны были снова отброшены.

Очередной штурм Сурхаевой башни генерал Граббе назначил на 4 июля. К этому времени под Ахульго штурмующие располагали следующими силами: 13500 человек пехоты, 10 батальонов пехоты, саперная рота, 4 сотни казаков, 30 орудий (по официальным источникам 24 орудия), горская милиция Ахмедхана Мехтулинского и Шамхала Тарковского численностью около 4500 человек.

Впереди наступающих шли 200 человек охотников, вызванных со всего отряда. Все они были снабжены деревянными щитами, обитыми войлоком, для предохранения головы и груди. Артиллерийская подготовка велась 14 орудиями с рассвета и продолжалась до 5 часов вечера. А Сурхаеву башню защищали всего 30 человек, остальные были убиты или ранены. Количество штурмующих в 100 раз превышало число защитников укрепления. Разрушения, причиненные башне, были ужасны, просто неопишуты. Казалось, что после этого не могло остаться целого камня, клочка земли размером с монету, не говоря о живых людях. Д.А. Милютин по этому поводу писал: «Перекрестные и удивительно меткие стрельбы производили ужасные действия в башне, с каждым разом отваливались огромные части; обломки катились с вершины к подножию скалы. Густая пыль и развалины представляли башню в совершенном хаосе» (*Милютин Д.А.*, 1850. С. 96).

Царская артиллерия продолжала свою работу, когда вечером колонны штурмующих, прикрываясь разными приспособлениями из досок, обитых войлоком, устремились на штурм башни. Казалось, на башне все погибли. Столько было пущено снарядов, что им не было места. Но случилось чудо: из-под развалин башни поднимались раненые, истекающие кровью, кто без ноги, кто с оторванной

рукой, кто ползком на животе или спине, кто и во весь рост. Все они вместе отчаянно бросались на штурмующих, руками, ногами, телами своими они обрушивались на врагов.

Используя камни и бревна, все, что могло принести вред наступающему врагу, горцы одну за другой отражали атаки штурмующих. Сцены штурма 29 июля повторялись несколько раз. По этому поводу Д.А. Милютин писал: «Но лишь только охотникам был подан сигнал к штурму мюриды снова появились над обломками и с неистовым ожесточением, вскочив на вершину, начали опять бросать на штурмующих камни и бревна. Сцены 29 числа повторялись несколько раз, но командующий отрядом, чтобы избежать нового кровопролития, приказал храбрым охотникам отойти с вершины скалы и, прикрывшись, сколько можно, от неприятельских выстрелов, ожидать наступления ночи. Артиллерия продолжала разрушительное свое действие» (*Милютин Д.А.*, 1850. С. 96).

После короткого отдыха, с наступлением темноты штурм царских войск возобновился с новой силой. А артиллерия была по горе до самой темноты. Обретя нового союзника в лице «ночной темноты», русские предприняли решающий штурм и смогли прорваться к вершине укрепления.

Судьба Сурхаевой башни была фактически решена артиллерией. «Убийственный огонь 14 орудий закончился трагически для участников башни – никто из них не уцелел. Все, за исключением 7 тяжело раненных, погибли на своем посту и были похоронены под развалинами башни. И только на следующий день, и то после предварительного усиленного артиллерийского обстрела башни, уже лишенной защитников, неприятель занял Шулаглул-гох штурмом» (*Бахауддин Хури*, 1996. С. 76).

Так, на боевом посту вместе с воинами погиб один из самых близких и храбрых сподвижников Шамиля – ученый, наиб Хириясул Алибек из Хунзаха. Вот как описывает его подвиг Хайдарбег Геничутлинский: «Самым же удивительным из того, что когда-либо видели глаза и слышали уши, было следующее: выдающийся храбрец, мухаджир аварец (ал-авари) Алибек, сын Хириясулава, был ранен в правое плечо ядром, выпущенным из большой пушки, причем так, что рука по локоть была оторвана и висела на сухожилии. Алибек же, продолжая сражаться с огромной страстью, сказал тут бойцам, которые находились вокруг него: «Отрубите-ка это!» и указал на свою висящую руку. Те, однако, не стали отрубать ее и Алибек, наступив тогда на руку ногой, сам отрубил ее саблей, а затем продолжал битву, держа оружие в другой руке. Наконец, Алибек был все же убит. Руку Алибека, которая была оторвана ядром, отправили к его раненой матери, которая лежала в постели. Когда мать увидела эту руку, она сказала: «Хвала Аллаху, который предределил сыну моему погибнуть в бою с неверными, а не умереть в кровати». Как же прекрасны эта мать и ее сын. Как прекрасны эта львица и этот лев!» (*Хайдарбег Геничутлинский*, 1992. С. 80–81).

Сегодня среди потомков Алибека есть известные ученые, врачи, учителя, творческие работники, государственные деятели, военные, живущие в Хунзахском районе Дагестана, в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России и за рубежом, которые добросовестным трудом и достойным поведением вносят свой вклад в развитие и процветание Дагестана и России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахауддин Хури, 1996. Ахульго. Махачкала.

- Даниялов Г.-А.Д.*, 1996. Имам Шамиль. Махачкала.
- Движение горцев Северо-Восточного Кавказа 20–50 гг. XIX в. Сборник документов. 1959. Махачкала.
- Дадаев Ю.У.*, 1995. Тропюю непокоренных. Махачкала.
- Дадаев Ю.У.*, 1997. По тропам шамилевских сражений. Махачкала.
- Дадаев Ю.У.*, 1998. Ахульго – боль моя (на аварском языке). Махачкала.
- Дадаев Ю.У.*, 2007. Столицы Шамиля. Махачкала.
- Дадаев Ю.У.*, 2008. Шамилил тахшагъарал (на аварском языке). Махачкала. Кавказский сборник. СПб., Т. 32.
- Милютин Д.А.* СПб., 1850. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане.
- Мухаммед Тахир аль-Карахи*, 1991. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Махачкала.
- Хайдарбек Геничутлинский*, 1992. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала.